

УДК 1 (091)

ОБ УЧЕНИИ Ф. НИЦШЕ О НИГИЛИЗМЕ

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.215

В статье анализируются точки зрения М. Хайдеггера, К. Ясперса и Ж. Делёза об учении Ф. Ницше о нигилизме. Автор предлагает критерии корректной интерпретации учения Ницше о нигилизме. Он формулирует три характерные черты данного учения. Это провозглашение Сократа первым нигилистом, отношение к эпохе «последнего человека» как к апогею нигилизма и акцент на девальвацию всех ценностей.

Ключевые слова: воля к власти, европейский нигилизм, смерть Бога, высший человек, последний человек.

Ф. Ницше всегда опасался, что его философия будет неправильно воспринята или искажена. Пытаясь предотвратить это, он в своём последнем труде «Ессе Номо. Как становятся сами собою» (1888) дал обзор своей идейной эволюции и призывал современников понять специфику его мировоззрения [6, с. 375]. В частности, он пояснил, что основе его учения о нигилизме лежит констатация бытия двух форм воли к власти, оказывающих определяющее влияние на историю обществ и культур. Первая из них – форма активности, оптимистичная, утверждающая жизнь и силу, она несовместима с нигилизмом; вторая – форма реактивности, пессимистичная, отрицающая жизнь и поощряющая слабость, её проявление – это нигилизм [6, с. 381–382]. М. Фуко глубоко понял Ницше, когда отметил, что аскетический идеал (а это проявление нигилизма) возникает в результате дегенерации жизни, взаимосвязанной с реактивной волей к власти, которая посредством придания ослаблению и утомлению ценностного статуса борется за существование [10]. Но, несмотря на это, встречаются интерпретации ницшевского понимания нигилизма, противоречащие разъяснению самого Ницше (например, что «нигилизм Ницше не тотален, а избирателен... он отрицает лишь то, что препятствует включению жизненности в понятие культуры» [3, с. 15]).

В дискуссии об учении Ф. Ницше о нигилизме можно выделить три основные позиции: 1) сторонники использования книги «Воля к власти» (М. Хайдеггер) для исследования философии Ницше, 2) религиозно (К. Ясперс) и 3) светски (Ж. Делёз) настроенные противники такого использования.

Позиция М. Хайдеггера изложена в работе «Европейский нигилизм» (позднее вошла в состав его книги «Ницше» в качестве раздела). С её многими компонентами сложно согласиться, потому что их вряд ли

одобрил бы сам Ницше как автор концепции европейского нигилизма. Есть два основания так утверждать.

Во-первых, об этом свидетельствует активное использование Хайдеггером цитат из книги «Воля к власти». Она, по признанию самого Хайдеггера, была составлена из цитат работ и черновиков Ницше по тому плану, который сам Ницше не составлял [12, с. 37], поэтому её нельзя считать ницшевским произведением. К тому же составление текста «Воли к власти» шло в Архиве Ницше под руководством его сестры Э. Фёрстер-Ницше, которую Ницше осуждал за полное непонимание целей и задач своей философии, за поддержку взглядов, неприемлемых для него [7, с. 292]. Он своей сестре не предоставил бы к ознакомлению свои последние философские труды [7, с. 339], и потому её ведущая роль в редактировании «Воля к власти» дискредитирует всю эту работу.

Во-вторых, Хайдеггер заявляет, что Ницше не смог до конца изложить своё понимание европейского нигилизма, а также всесторонне понять этот феномен, потому что сам был нигилистом, а вот ему-то, Хайдеггеру, эта задача по силам, надо только к этому ницшевскому учению кое-что добавить [12, с. 36–37, 47–49]. Сам же Ницше был убеждён в том, что это его учение содержит в себе абсолютную истину.

Вместе с тем есть и две очевидные заслуги Хайдеггера – интерпретатора данного учения Ницше. Одна из них заключается в емком изложении сути нигилизма («овладевающая сознанием истина о том, что всё прежние цели сущего утратили свою силу» [12, с. 29]), а другая – в формулировании стратегии выбора цитат из ницшевского творческого наследия, наиболее полезных для понимания его учения о европейском нигилизме [12, с. 38]. Правда, не всё в этой стратегии бесспорно. Совет искать в первую очередь цитату, характеризующую «сущностное ядро нигилизма», можно принять, а вот с рекомендацией ограничить временные рамки выборки 1887–1888 гг. как периодом самого «светлого и острого понимания» европейского нигилизма сложно согласиться. Как видится, понимание европейского нигилизма будет упрощённым и односторонним, если игнорировать предшествующие ницшевские рефлексии над его сутью и проявлениями. В частности, Ницше начала 1870-х гг. анализировал рационалистический критицизм Сократа и его разрушительное влияние на европейскую культуру [9, с. 535–536] (работа «Рождение трагедии из духа музыки...»). Позднее, в «Ессе Ното...», философ подчеркивал, что именно в образе Сократа он постиг психологический тип декадента [6, с. 419], т. е. человека, чья воля к власти нигилистична. В начале 1880-х гг. мыслитель создал «образ последнего человека» – человека, уже не способного себя презирать, человека, утратившего все ценности, кроме комфорта и удовольствия [8, с. 12] (книга «Так говорил Заратустра»). Тогда же Ницше отзывался с отвращением о современной ему эпохе в истории культуры Европы за её «тщедушность... безличность, переменчивость... слабость эгоцен-

тризма, которая... желает драпироваться под добродетель» [7, с. 213], но ещё не употреблял для её характеристики уместное слово – нигилизм. Вместе с тем он в «Ессе Номо...» пишет о том, что герой Заратустра является максимальным утверждением бытия и «противоположностью отрицающего духа» [6, с. 446], т. е. нигилизма.

Ясперс в работе «Ницше и христианство» даёт характеристику философии Ницше, исключаящую какую-либо ценность его учения о нигилизме. Свою позицию Ясперс обосновывает тремя аргументами. Первый из них – что Ницше не был способен до конца сформулировать и высказать содержание своего бессознательного, что создаёт в его текстах ощущение недосказанности. Второй – что ницшевский концепт «воля к власти» слишком неопределён, чтобы использовать его для объяснения чего-либо. И третий – что его концепция европейского нигилизма, как варианты философии истории Г. Гердера, Г. Гегеля и К. Маркса, базируется на христианском понимании всемирной истории [13]. Посмотрим, в какой степени с Ясперсом можно согласиться.

Сам Ницше не замечал в себе нехватки способности высказать свои мысли, у него, скорее, есть проблема интеллектуального самоограничения. В частности, в «Ессе Номо...» он писал, что «себя не расточал» на размышления, не связанные с подлинными вопросами, и считал ниже своего достоинства ограничиваться упрощёнными ответами [7, с. 393]. Вместе с тем Ницше всегда был готов встретиться с труднообъяснимым и изменчивым объектом познания, так как сама воля к власти «кривыми путями должна идти» к своей цели и подчас сталкивается с «противоречием целей» [9, с. 102]. Так что недосказанность для самого Ницше – это признак не ущербности мыслителя, но его мудрости и честности.

С наличием в ницшевском концепте «воля к власти» некоторой размытости сложно не согласиться. Однако Ницше четко формулировал, пусть и не в одном абзаце, а на нескольких страницах работы «Так говорил Заратустра», характерные черты воли к власти, т. е. статус воли к власти в мире как первоначала и базового мотива поведения всех живых существ, её неразрывную связь с волей к жизни, присущие ей диалектику силы и слабости, свойственное ей постоянное самопреодоление и периодическую смену приоритетных целей [9, с. 100–102]. Думаю, этого достаточно для того, чтобы не обвинять Ницше в постоянном использовании не до конца осмысленного концепта.

Точка зрения Ясперса о производности учения Ницше о нигилизме от христианского понимания исторического процесса убедительна. С этим мыслителем сложно не согласиться, когда он утверждает, что в обоих случаях история начинается с «золотого века», а затем начинается и прогрессирует деградация людей, доводящая их до предельного падения [13]. Вместе с тем это вовсе не означает, как хочет доказать Ясперс, что скрытой целью ницшевской концепции нигилизма было всего лишь стремление

раскритиковать современное христианство, для того чтобы заменить его более новым, более совершенным христианством – «сверххристианством» [13]. Даже сам мыслитель признаёт, что Ницше было чуждо всё содержание христианской догматики [13], вряд ли ему не известно то, что Ницше называл христианские церкви «могилами... Бога» [5, с. 447], что его идеал сверхчеловека противоречит как христианской морали, как и христианской социальной практике [4, с. 299–300]. Если Ницше отрицал почти всё значимое в христианстве, он не смог бы и не захотел бы разработать «сверххристианство». Нигилизм, если исходить из его текстов, может быть преодоленным не на основе творческого переосмысления христианства, а после отказа от всего христианского.

Относительно мнения Ясперса о том, что ницшеовское учение о нигилизме не является положительно значимым компонентом философии Ницше [9], можно сказать следующее. Европейская культура рубежа XX–XXI столетий подтверждает правоту мрачных прогнозов Ницше относительно будущего триумфа в ней нигилизма. Об этом свидетельствуют наблюдения Ж. Бодрийера конца 1980-х гг., согласно которым в современной культуре Европы уже давно исчезли критерии добра и зла, как и однозначные ценности, причем процесс разрушения, «рассеяния», ценностей продолжается [1, с. 10–11], и данный процесс, под влиянием Интернета, теперь только интенсифицировался. А этот процесс – проявление торжества нигилизма. Тревоги Ф. Фукуямы, размышлявшего в начале 1990-х гг. о рисках деградации современного общества, гордящегося устойчивой парламентской демократией и развитой рыночной экономикой, в обществе ницшеовского «последнего человека» [11], стали ещё более обоснованными. В пользу этого уже в начале XXI в. свидетельствуют такие последствия информационной революции как формирование «клипового мышления» и распространение гедонизма. И так как эпоха «последнего человека» связана с торжеством нигилизма, то размышления над учением Ф. Ницше о нигилизме как никогда актуальны.

Делёз как автор произведения «Ницше», в отличие от Хайдеггера и Ясперса, признаёт ценность учения Ницше о нигилизме. Свою роль как интерпретатора этого учения он видит в преодолении его некоторой фрагментарности, вызванной плохим здоровьем и довольно ранним прекращением философского творчества (из-за наступления безумия) Ницше. Делёз предлагает концепцию появления, поэтапного усиления и преодоления европейского нигилизма. Начинается всё со злопамятства и озлобления реактивных сил по отношению ко всему, что активно. Затем у носителей реактивности возникает нечистая совесть, для её успокоения они создают аскетический идеал – таковы и многие древние греки после Сократа, и приверженцы иудаизма, и христиане. Усиление нигилизма в Европе происходит после смерти Бога (саморазрушения религии) и неудачных попыток высших людей создать прицельно новые смыслы и ценности. В итоге наступает эпоха последнего человека, бегущего от суеты, и, наконец, пре-

дел усиления нигилизма в Европе – человек, желающий своей гибели. Достижение этого предела, по Делёзу, открывает путь к постепенному самоизживанию нигилизма, к усилению мощи активных сил, содействующих появлению сверхчеловека [2, с. 36–42].

Эта интерпретация привлекает своей цельностью и логической выветренностью. Она базируется на убежденности Делёза в том, что «у Ницше всё маска» [2, с. 14], и на приверженности таким постмодернистским установкам, как бунт против авторитета автора и иррационализм. Рассмотрим её подробнее.

Делёз верит Ницше, когда тот в своей последней работе «Ессе Номо...» пишет, что суть его метода философствования заключается в смене масок и перемещении перспектив оценивания, например, с позиции здорового анализировать больного, и наоборот [6, с. 381, 383]. Однако сам Ницше, как отмечает Фуко, по крайней мере с работы «Человеческое, слишком человеческое», разрабатывает ещё один – генеалогический – метод исследования социокультурной действительности (о чём свидетельствует даже название одного из его трудов – «К генеалогии морали») [10].

К тому же, если обратиться к исследованию писем Ницше как текстов, при создании которых он не использовал маски, оказывается, что его отношение к маскам и перемещениям перспектив исследования с позиции здоровья на болезнь и наоборот не всегда было таким, как утверждается в тексте «Ессе Номо...».

Письма Ницше свидетельствуют о том, что идея о полезности использования масок в философствовании к философу пришла довольно поздно. Мыслитель лишь в письме от июля 1886 г. признался в том, что он понял необходимость создания дистанции между собой как автором и своим идеалом для обеспечения философствования об этом идеале. Возникновение такой дистанции может произойти лишь после выбора маски – искусственной принятой точки зрения, с которой можно вести это философствование. Таков для Ницше «образ “свободного ума”» [6, с. 258], впервые использованный им в работе «Человеческое, слишком человеческое» (1879).

Обращение к письмам Ницше дает основание утверждать, что длительное время мыслитель был чужд мысли о философствовании как перемещении перспектив со здоровья к болезни и наоборот. Даже в июле 1885 г. он писал, что «если... философ болен, то это... аргумент против его философии» [6, с. 249], и потому был чужд мысли о таком навыке. Ницше пересмотрел свою позицию лишь через несколько лет: в апреле 1888 г. он заявил, что навык перемещения перспектив с оценки больным здорового и наоборот полезен и почетен для него как философа [6, с. 314].

При помощи писем Ницше обнаруживается временное наличие ещё одной функции масок в философствовании, а именно частичное сокрытие своих подлинных мыслей. К такому использованию масок в философов-

вании мыслитель тоже пришёл не сразу – ещё в 1879 г. он гордился тем, что «испытал на деле свои взгляды на жизнь», вызвав на себя многочисленные критически нападки [6, с. 155]. А вот в письме от июля 1885 г. он признался, что вынужден «жить почти всегда замаскированным... чтобы не испытать мучительных неловкостей» [6, с. 243]. Чуть позже, в письме от сентября 1886 г., мыслитель писал, что намеренно держит своего адресата «немного на расстоянии» от своих подлинных целей и выводов, т. е. предстаёт в маске, чтобы не навредить столкновением с полной истиной [6, с. 261]. Ницше-философ ещё в июне 1887 г. прятался за маской, объясняя это так: «...мне не пойдёт на пользу, когда меня начнут понимать» [6, с. 280]. Только в работах 1888 г. он перестал скрывать за нею свои подлинные мысли. В частности, таково его произведение «Антихрист. Проклятие христианству», которое чуть ли не начинается с эпатажного тезиса: всё хорошее – от силы, всё плохое – от слабости, всё самое плохое – от христианства [4, с. 299].

Можно прийти к выводу, что Ницше, вопреки интерпретации Делёза, до периода создания работы «Человеческое, слишком человеческое» не испытывал потребности в использовании масок – ни для смены перспектив исследования, ни для сокрытия своих тайных выводов и целей. Причем если первая из этих функций масок использовалась им до конца философствования, вторая из них к 1888 г. утратила для него актуальность (потому и не упомянута Ницше в произведении «Ессе Homo...»).

Ярким примером бунта Делёза против традиции восприятия позиции автора произведения как авторитетной при интерпретации концепции европейского нигилизма является произвольный акцент внимания на одно из множества размышлений Ницше о «смерти Бога» [2, с. 14]. В частности, Ницше характеризовал это как чудовищное событие и великое свершение одновременно, дающее человеку шанс занять место Бога [5, с. 446–447], как долгожданный шанс для высших людей начать созидание сверхчеловека [8, с. 258] и как следствие неспособности «самого безобразного человека» вынести сострадание со стороны Бога [8, с. 239]. Сам Ницше не оставил однозначного вывода о том, какая из этих характеристик является самой правильной. Во всяком случае, этот философ устами Заратустры по поводу убийства Бога «самым безобразным человеком» лишь размышлял о пагубности сострадания к человеку, о том, насколько каждый человек полон скрытого позора и достоин презрения [8, с. 240]. Так охарактеризованная Ницше «смерть Бога» может означать лишь отчаянную, но неудачную попытку самолюбивого, но не уважающего себя человека перестать чувствовать себя униженным. Не очень ясно, на каком основании Делёз решил всё своё внимание обратить только на данное ницшевское осмысление «смерти Бога». Наверное, потому, что Делёзу очень хотелось соотнести «смерть Бога» с этапом усиления европейского нигилизма, на котором человек, отрицая высшие, божественные ценности, производит их замену ценностями человека. При этом мыслитель, хотя и признает значимость

этого события, тут же подчеркивает, что в аксиологическом плане оно ничего принципиально не меняет, потому что и те, и другие ценности отрицают земную жизнь [2, с. 29–30, 39]. Такая интерпретация мало соответствует тексту ницшевской работы «Так говорил Заратустра». По этим причинам сложно согласиться с тем, что отношение Делёза к концепту «смерть Бога» отражает позицию самого Ницше по данному вопросу.

Иррационализм Делёза как интерпретатора философии Ницше проявляется в его утверждении: «категории ницшевской философии суть категории бессознательного» [2, с. 41]. Для Делёза утверждение их бессознательности, судя по всему, является основанием для того, чтобы не всегда считаться с содержанием текстов произведений Ницше [2, с. 30–35]. В частности, для того, чтобы согласовать ницшевские образы «высшего человека» и «последнего человека» со своим представлением об эволюции европейского нигилизма.

Ницше, если обращаться к тексту «Так говорил Заратустра», свое отношение к типу «высшего человека» выражает двояко. С одной стороны, как к человеку, способному презирать свои слабости и обособиться с негодованием от общества «маленьких людей» [8, с. 259]. С другой стороны, как к человеку, призванному посредством постоянного самопреодоления обрести мощную силу и креативность сверхчеловека, но пока не справляющегося со своей миссией, потому что ему в этом препятствуют эгоцентризм и привычки, присущие «маленькому человеку» [8, с. 260–261, 264–265]. Но для Делёза это, видимо, слишком рационально, а потому чуждо подлинному отношению Ницше к «высшему человеку». Он интерпретирует как единственное проявление сущности «высших людей» их недостойное поведение на «празднике Осла» и во время их последующего диалога с Заратустрой [8, с. 282–287]. Делёз, исходя из такого понимания образа «высшего человека», приходит к выводу, что такие люди «хотят встать на место Бога, они... надеются... завладеть смыслом утверждения», но ими неявно руководит сила нигилизма, которая «мнит, что изрекает “да”, в то время как несет на себе “нет”» [2, с. 40]. Но высшие люди для Ницше не могут быть бесперспективными неудачниками, иначе бы Заратустра (главный герой, от имени которого, фактически, говорит сам Ницше) не призывал их к самопреодолению ради появления сверхчеловека.

В тексте книги «Так говорил Заратустра» Ницше характеризовал «последнего человека» однозначно – как человека, утратившего способности к самокритике и творчеству, готового ради покоя и комфорта отказаться от сложных дел и размышлений, от личностной самобытности и свободы [8, с. 11–12]. В интерпретации Делёза же «последний человек – тот, кто говорит, что всё суета сует и уж лучше погаснуть в бездействии!», и дальнейшая, уже финальная стадия эволюции нигилизма – стадия, когда крепнущая «мысль об активном саморазрушении» приво-

дит к тому, что «сверх последнего человека имеется ещё человек, который хочет гибели» [2, с. 41–42]. Однако если учитывать рационально изложенное Ницше описание «последнего человека», то становится ясным: у такого убежденного гедониста не может возникнуть мысль о целенаправленном саморазрушении и никогда не появится усталость от суеты. Поэтому вывод Делёза о наличии перехода между стадиями «последнего человека» и «человека, который желает гибели» не может быть соотнесен с содержанием мировоззрения Ницше.

Обращение к точкам зрения Хайдеггера, Ясперса и Делёза на ницшеовское учение о нигилизме, как видится, даёт основания прийти к трём группам выводов. Первая группа выводов связана с тем, как нежелательно интерпретировать это учение. К ним относятся: обращение к тексту книги «Воля к власти», претензия на более корректное изложение сути нигилизма, игнорирование части содержания его книг, стремление увидеть везде у него игру в маски, акцентировать внимание на влиянии бессознательных мотивов на его философствование, ограничить анализ его творчества последними годами как наиболее плодотворными. Ко второй группе относятся выводы, которые представляются ценными для дальнейшего исследования ницшеовского учения о нигилизме. Таковы выявление Хайдеггером необходимости следования определенной стратегии при анализе понимания Ницше нигилизма, открытие Ясперсом скрытого христианского мотива в этом учении Ницше, определение Делёзом цепочки взаимосвязанных этапов усиления нигилизма. Выводы третьей группы намечают контуры современной концепции европейского нигилизма, не противоречащей философии Ницше. Это характеристика Сократа как первого нигилиста, восприятие эпохи «последнего человека» как апогея нигилизма, акцент на аксиологический аспект нигилизма – на девальвацию всех ценностей. Их можно считать ориентирами на пути к формулированию концепции современного нигилизма.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
2. Делез Ж. Ницше. СПб: Аxioma, 2001. 184 с.
3. Ирицян Г.Э. «Нигилизм» Ф. Ницше как фиксация кризиса культуры // Изв. вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 13–16.
4. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. По ту сторону добра из зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо: сб. Минск: Попурри, 1997. С. 297–371.
5. Ницше Ф. Весёлая наука // Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Весёлая наука; Злая мудрость: сб. Минск: Попурри, 1996. С. 319–600.
6. Ницше Ф. Ессе Номо. Как становятся сами собою // Ницше Ф. По ту сторону добра из зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо: сб. Минск: Попурри, 1997. С. 373–468.

7. Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: сб. Минск: Попурри, 2001. С. 3–297.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: сб. Минск: Попурри, 2001. С. 453–591.
10. Фуко М. Ницше, генеалогия, история. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/fuko/?curPos=1> (дата обращения: 21.04.2020).
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак, 2004. 588 с.
12. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 458 с.
13. Ясперс К. Ницше и христианство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/nietzsche-hrist/?curPos=2> (дата обращения: 15.04.2020).

ON F. NIETZSCHE'S NIHILISM DOCTRINE

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The article is aimed at the analysis of M. Heidegger's, K. Jaspers', and G. Deleuze's approaches to F. Nietzsche's nihilism doctrine. The author offers criteria of correct interpretation of F. Nietzsche's nihilism doctrine. He formulates three characteristic features of this doctrine: declaring Socrates 'the first nihilist', the attitude to the epoch of «the last man» as the apogee of nihilism, and the accent on devaluation of all values.

Keywords: *will to power, nihilism, death of God, the highest man, the last man.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD (Philosophy Sciences), Ass. Prof., Ass. Prof. of the Dept. Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru